

ТРИ ЗАМЕТКИ О ПУШКИНЕ.

I

Среди лицейских стихотворений Пушкина есть мадригал — «Твой и мой».

Богъ вѣсть за что философы, пѣнты
На твой и мой давнымъ давно сердиты.
Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
Но потакать и вѣрить имъ не смѣю.
Что ежели бъ ты не была моею?
Что ежели бъ я не былъ Ниса твоимъ?

Стихи эти являются, по указаниям комментаторов, переводом или переложением с французского, и оригинал их, сочинения неизвестного автора, записан самим Пушкиным в той же «лицейской тетради» (рукоп. Румянцевского музея № 2364, л. 15), где и перевод, но двумя листами дальше. Это французское стихотворение в издании сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова читается так (том I, стр. 340):

Tien - et - Mien, dit La Fontaine,
Du monde a rompu le lien.
Quant à moi, je n'en sais rien,
Car que serait - ce Climène,
Si tu n' étais plus la mienne,
Si je n' étais plus le tien.

Автор этих стихов, как указано выше, неизвестен комментаторам. Между тем есть достаточно данных для обнаружения этого автора, которым, по нашему мнению, является сам Пушкин. Доводы в пользу

этого предположения черпаются из внимательного рассмотрения пушкинского автографа и его особенностей.

Стихи написаны сбоку на полях листа 15 «лицейской тетради» мелким почерком с целым рядом поправок; вот транскрипция этой записи (в угловых скобках зачеркнутое Пушкиным):

[le] tien et mien, dit Lafontaine
 du monde a rompu le lien.—
 lus
 Si tu n' étois p[as] la mi enne!—
 lus
 Si je n' étois p[as] le tien?—

Сбоку отдельно приписано с обозначением вставки:

Quand à moi je n'en crois rien
 [Mais] Car que seroit-ce, Climéne,

Таким образом первоначально стихотворение представляло собой четверостишие, а две строки вписаны потом.

Если наличие поправок при записи этих стихов «неизвестного автора» еще не может служить достаточно убедительным доказательством авторства Пушкина (он мог записывать стихи, вспоминая их и исправляя ошибки памяти), то факт приписки сбоку третьего и четвертого стихов является решающим аргументом, так как, помня чужие стихи настолько, чтобы с немногими пометками записать их, поэт Пушкин не мог так грубо ошибиться в количестве стихов этого коротенького мадригала и шестистишие записать в виде катрена, а затем уже вспомнить еще два стиха. Всякий поэт в высшей степени чуток к ритмической стороне стиха, а четверостишие и шестистишная строфа слишком резко отличаются друг от друга, чтобы их можно было смешать, и Пушкин, с его тонким и безошибочным ритмическим чувством¹⁾ менее, чем кто-либо мог сделать такую ошибку.

¹⁾ См., напр., в письме к А. О. Смирновой (сентябрь, 1831):

«Отъ васъ узналъ я пѣвнѣ Варшавы
 Вы были вѣстницею славы
 И вдохновенъемъ для меня.

Quand j'aurai trouvé les deux autres vers, je vous les enverrai». Недостаток рифмы требовал в этом отрывке одного стиха, но внутреннее движе-

Очевидно французский мадригал был им сочинен сначала в четырех строках, как и показывает запись его, а затем уже были придуманы и приписаны остальные два стиха.

II

В статье В. Гаевского «Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения» («Современник» 1863 г., июль) встречается указание на то, что Пушкин впервые выступил в печати неволью (в 1814 г. было напечатано в «Вестнике Европы» первое его стихотворение «К другу-стихотворцу»), что Дельвиг и другие товарищи-лицейсты тайком от него отправили его стихи в журнал. Это указание повторяют позднейшие биографы и комментаторы, вплоть до самого новейшего — В. Брюсова (в I томе редактируемого им полного собрания сочинений Пушкина М. 1920 на стр. XXXIII читаем: «В конце 1813 г. товарищи тайно от Пушкина послали его стихотворение и т. д.»).

Нужно заметить, что ни сам Пушкин в своих отрывках о лицейской жизни, никто из его товарищей, оставивших воспоминания, ни П. В. Анненков, хорошо знавший многие подробности биографии поэта, не упоминают об этом во всяком случае интересном факте. Для В. Гаевского же единственным основанием являются следующие слова Пушкина в стихотворении «К Дельвигу» (1815 г.):

Предатели - друзья
 Невинное творенье
 Украдкой въ городъ шлють.
 И плодъ уединенья
 Тисненью предають.

Однако, эти слова и В. Гаевским и позднейшими комментаторами поняты неверно. Чтобы разобраться в этом, надо вспомнить как самое стихотворение, так и те обстоятельства, при которых оно было написано.

ние его подсказало Пушкину необходимость двух стихов для законченности его в ритмическом смысле.

В «Российском Музее» 1815 г. (№ 9, ч. III) появилось стихотворение «А. С. Пушкину». Полное самых восторженных похвал по адресу молодого поэта, «миртов и лавров, приветствий удивленной толпы», оно заканчивается так:

Пушкинъ! Онъ и въ дѣсахъ не укроется,
Лира выдасть его громкимъ пѣнiемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

Если вспомнить, что к этому времени имя «А. С. Пушкина» было почти вовсе неизвестно читателям, что он напечатал в журналах всего двадцать стихотворений, из них со своей подписью только одно — то можно себе представить, панегирик Дельвига должен был произвести довольно смешное впечатление, и самому Пушкину было несколько неловко от этих дружеских похвал. Этими обстоятельствами и вызван «Ответ» Пушкина (таков рукописный подзаголовок разбираемого стихотворения).

Оно известно нам в двух автографах — один на отдельном листке, с вырезанными из середины стихотворения 14 строчками находится в лицейском музее (ныне в Пушкинском Доме при Российской Академии Наук ¹⁾), другой в «лицейской» тетради (рукопись московского Румянцевского музея № 2364, л.л. 36 — 37). Автограф Пушкинского Дома дает более раннее чтение, которое и печатается обычно, как первая редакция стихотворения; однако, существует более ранняя его редакция, так как в тексте лицейского автографа находится целый ряд поправок сверх первоначального белого текста. Обнаруженные Б. Никольским в статье «Академический Пушкин» («Исторический Вестник», 1899, кн. 7, с. 198—200) первоначальные чтения дают, таким образом, редакцию стихотворения самую раннюю, наиболее интересную для решения занимающего нас

¹⁾ Точное воспроизведение его в издании кн. Олега Константиновича «Рукописи Пушкина. I. Автографы Пушкинского музея И. Александровского Лицея. Выпуск первый», см. также «Описание Пушкинского музея И. Александровского Лицея» С. Аснаша и А. Яхонтова и снимок (неверный) в брошюре Александровского Лицея «29 января 1887 г. В память пятидесятилетия кончины А. С. Пушкина».

вопроса, почему я и позволю себе привести ее, тем более, что в целом виде она ни разу напечатана не была (недостающие — вырезанные четырнадцать стихов приводятся в позднейшей редакции по автографу Румянцевского музея и выделены скобками []).

Д

Послушай, музъ невинныхъ
 Лукавый духовникъ:
 Жилецъ полей пустынныхъ
 Поэтовъ грѣшной ликъ
 Умножилъ я собою,
 И я главой поникъ
 Предъ милою мечтою;
 Мой дялюшка, поэтъ
 На то мнѣ даль совѣтъ
 И съ музами сосваталъ.
 Съ начала я шалилъ,
 Шутя стихи кроилъ,
 А тамъ ихъ напечаталъ —
 И вотъ теперь я братъ
 Тому, сему, другому,
 Риёматову, Пустову —
 Да я-жъ и виновать —
 Да ты же мнѣ въ досаду—
 (Что скажеть бѣлый свѣтъ?)
 Любви моей въ награду
 Мнѣ свищешь оду вслѣдъ
 Смотрите: вотъ поэтъ!
 Спасибо за посланье!
 Но что мнѣ пользы въ немъ?
 На грѣшника потомъ —
 Вѣдь стануть въ посмѣянье
 Указывать перстомъ;—
 Когда бъ подобны быми
 Моимъ твои стихи
 То скоро бъ всѣ забыли
 Что П за грѣхи
 Въ поэзію влюбился,
 И лѣзеть на Парнассъ,
 И въ риёмы весь зарылся,
 И пишетъ въ добрый часъ.—

Измѣнникъ! съ Аполлономъ
 Ты видно заодно:—
 И мнѣ прослыть Графономъ
 Судьбою суждено.—
 О, Горе Метроману!
 Куда ни сунусь я
 Вездѣ враговъ застаю:
 Измѣнники-друзья
 Невинное посланье
 Украдкой въ городъ шлютъ
 И тамъ — за наказанье
 Тисненью предають.—
 На бѣднаго вапали
 Съ улыбкой остряки.
 «Ахъ, сударь! мнѣ сказали—
 «Вы пишете стихи?
 «Увидѣть ихъ нельзя-ли?—
 «Вы въ нихъ изображали
 «Конечно ручейки,
 «Конечно василечекъ —
 «Иль тихий вѣтерочекъ —
 «Барашковъ и цвѣтки...»
 [О Дельвигъ! начертали
 Мнѣ Мѹзы мой удѣлъ:
 Но ты ль мои печали
 Умножить захотѣлъ?
 Въ объятіяхъ Морфея
 Безпечный духъ лелѣя,
 Еще хоть годъ одинъ
 Позволь мнѣ полѣниться
 И нѣгой насладиться —
 Я право нѣги сывъ!—
 А тамъ хоть нѣтъ охоты,
 Но придуть ужъ заботы
 Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ
 И буду принужденъ]

Съ Журналами сражаться
 Съ Газетой торговаться
 Съ Графовымъ восхищаться...—
 Помилуй, Аполлонъ!...—

А. П.

В самом тексте стихотворения мы находим противоречия предположению В. Гаевского — указание на то, что вовсе не друзья поэта, а сам он впервые стал печатать свои стихи:

Сначала я шалилъ,
Шутилъ стихи впролль,
А тамъ ихъ напечаталъ.

В таком случае слова о «предателях-друзьях» могли бы относиться не к первому выступлению Пушкина в печати. Но тогда непонятно, зачем было друзьям «украдкой» посылать его стихи «в город», раз он и сам уже печатал их. И почему это — не первое из напечатанных — стихотворение Пушкина произвело такой эффект на читателей, («На бедного напали с улыбкой остряки»). Наконец, совершенно непонятны слова этих «остряков», которые, прочтя тайком напечатанные в журнале стихи Пушкина, говорят ему:

Ахъ, сударь! мнѣ сказали — 1)
Вы пишете стишки?
Увидѣть ихъ нельзя-ли?

Все эти противоречия и недоумения разъясняются при том соображении, что в приводимом В. Гаевским и другими комментаторами месте Пушкин говорит не о своих стихах, а о том же самом послании Дельвига «А. С. Пушкину». («Невинное посланье» — ср. выше «Спасибо за посланье»), по поводу которого и написан ответ. Это-то дружеское «невинное посланье», а вовсе не пушкинские стихи, по видимому, без ведома Пушкина «изменники-друзья» отдали в печать, чем и поставили его в неловкое положение. В таком случае совершенно понятны и насмешливые вопросы «остряков» и их желание увидеть дѣ сих пор никому неизвестные «стишки» столь прославляемого поэта.

Итак, «невинное творенье» или «невинное посланье» есть послание Дельвига, и, следовательно, легенда о друзьях, тайком напечатавших первое стихотворение Пушкина, имея единственным основанием неверное понимание слов поэта, должна быть отброшена.

1) «Мне сказали» — можно бы понять, как «вносное предложение», слова автора; однако в позднейшей редакции читаем «Признайтесь — нам сказали».

III

Настоящая заметка касается стихотворения «О, муза пламенной сатиры», впервые напечатанного П. В. Анненковым и отнесенного им, а за ним и другими редакторами, к 1830 году. Вот эти стихи:

О, муза пламенной Сатиры,
 Приди на мой призывный клич!
 Не нужно мнѣ гремящей лиры,
 Вручи мнѣ Ювеналовъ бичъ!
 Не подражателямъ холоднымъ,
 Не переводчикамъ голоднымъ,
 И не поэтамъ мирныхъ дамъ,
 Готовлю язву эпиграммъ!
 Миръ вамъ смиренные поэты!
 Миръ вамъ несчастные глупцы!
 А вы, ребята-подлецы,
 Впередъ всю вашу сволочь буду
 Я мучить казню стыда!
 А если же кого забуду—
 Прошу напомнить, господа!
 О сколько лицъ безстыдно-блѣдныхъ,
 О сколько лбовъ широко-мѣдныхъ
 Готовы отъ меня принять
 Неизгладимую печать!

Текст этих стихов (именно неудачные ст. 7 и 14) разными редакторами исправлялся по своему, было высказано даже предположение о непринадлежности отрывка Пушкину. Что касается до хронологии его, то Ю. Щербачев (в книге «Приятели Пушкина», изд. И. О-ва Ист. и Др. Росс. при Моск. Ун. М. 1912—3 г.г.), указав, что в тетради приятеля Пушкина Каверина стихи эти записаны с датой 1825 г., предположил, что сочинение их относится к еще более раннему времени—именно, к после-лидейским годам, когда и мог записать их Каверин, находившийся в то время в близких сношениях с Пушкиным.

Обратимся к самому стихотворению. Текст его не только испорчен, но и передан, несомненно, с пропуском. Кроме вызванной этим неясности смысла (кому грозит Пушкин «язвой эпиграмм»? — в

тексте нет прямого указания, кроме неопределенного «ребята-подлецы», («сволочь»), пропуск обнаруживается и отсутствием рифмы к стиху «Мир вам, смиренные поэты». Таким образом в этом месте недостает по крайней мере одного стиха, заключающего в себе, по видимому, определенное указание, к кому относится сатира, и рифмующего со стихом «Мир вам, смиренные поэты».

Обратив внимание на порядок чередования рифм в отрывке, мы увидим, что он написан «Онегинской строфой», т.-е., изобретенной Пушкиным в 1822 году строфой из 14 стихов, где рифмы чередуются в таком порядке: первый куплет с перекрестными рифмами — а b a b — («правил» — «занемог» — «заставил» — «не мог»), второй куплет со смежными рифмами — с с d d — («наука» — «скука» — «ночь» — «прочь»), третий куплет с объемлющими рифмами — e f f e — («коварство» — «забавлять» — «поправлять» — «лекарство») и, наконец, заключительное двустипшие со смежными рифмами («про себя» — «тебя»). Этой строфой написаны Пушкиным только «Евгений Онегин» и первая редакция начала «Медного Всадника» — остатком этого откинутого замысла является «Родословная моего героя», написанная «Онегинской строфой».

Действительно, рифмы («сатиры» — «ключ» — «лиры» — «бич») — составляют первый куплет а b a b; («холодным» — «голодным», — «дам» — «эпиграмм» — второй с с d d; («поэты» — «глупцы» — «подлецы» — и недостающая рифма к «поэты» — третий — e f f (e); двух заключительных стихов строфы также недостает, таким образом, пропуск в стихотворении оказывается в три стиха. Далее начинается новая строфа: «буду» — «стыда» — «забуду» — «господа» — а b a b; («бледных» — «медных» — «принять» — «печать» — с с d d. Итак, в разбираемом стихотворении мы имеем полторы «Онегинских строфы» с пропуском трех стихов в конце первой.

Не подходя ни по содержанию, ни по хронологии (не позже 1825 г., согласно записи в Каверинской тетради) к «Медному Всаднику», отрывок должен быть отнесен к «Евгению Онегину», и является, по видимому, фрагментом первоначального замысла романа, как сатирического произведения. Так, в декабре 1823 года Пушкин писал А. И. Тургеневу: «я на досуге пишу поэму Евгений Онегин, где захлебываюсь желчью», а в январе 1824 года брату — (Раевский) «ожидал от меня романтизма (речь идет о Евгение Онегине), а на-

шел сатиру и динизм»; и даже в предисловии к первой главе (напечатанной в 1825 г.) мы читаем: «Но да будет позволено обратить внимание читателей на достоинства, редкие в сатирическом писателе—отсутствие оскорбительной личности и наблюдение строгой благопристойности в шуточном описании нравов». Несмотря на последнее заявление в план «Евгения Онегина» входили не только «шуточное описание нравов», но и «оскорбительные личности»—ср., напр., в письме к брату в апреле 1825 г., «Толстой (Ф. И.—«американец») явится у меня во всем блеске в 4-й песни Онегина, если его пасквиль того стоит¹⁾»; также в письме к И. Е. Великопольскому (март—апрель 1828 г.): «Неужели вы захотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня вашего миролюбивого друга включить неприязненные строфы в 8 главу Онегина». Следями этой «сатирической» стихии в «Евгении Онегине» является описание петербургского света в восьмой главе (строфы XXIV—XXVI), сильно смягченное в печатной редакции, сравнительно с черновиками.

К одному из подобных мест (возможно, что и не осуществленному, а только задуманному) и должен быть отнесен наш отрывок, и время его сочинения, следовательно,—промежуток между 1823 г., когда был начат «Евгений Онегин», и 1825 г.—когда эти стихи были записаны в Каверинской тетради²⁾.

С. Бонди.

1913—14.

¹⁾ Повидимому, речь идет не о фигуре Заредкого—явившегося только в шестой главе (а в апреле 1825 г. Пушкин как раз писал четвертую), а об изображении Ф. И. Толстого среди сатирического описания московского общества, куда переносилось действие романа в первоначальной редакции IV главы (см. интересную статью М. Л. Гофмана в изданном Государственным Издательством «Евгении Онегине», Петербург 1920).

²⁾ Соображения того же рода, что и выше, заставляют отнести и «Евгению Онегину» черновой отрывок «В сраженьи смелым быть похвально» (см. Академическое издание, т. IV, с. 292—3.), в незаконченных и перечеркнутых строках которого нетрудно уловить «Онегинское» чередование рифм. С некоторой долей вероятия можно отнести его к шестой главе—описанию дуэли и смерти Ленского (срав. содержание XXXIII и XXXIV стрф).

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
СЕМЕНА АФАНАСЬЕВИЧА
ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНИСТ IV

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. В. ЯКОВЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • ПЕТРОГРАД

1922